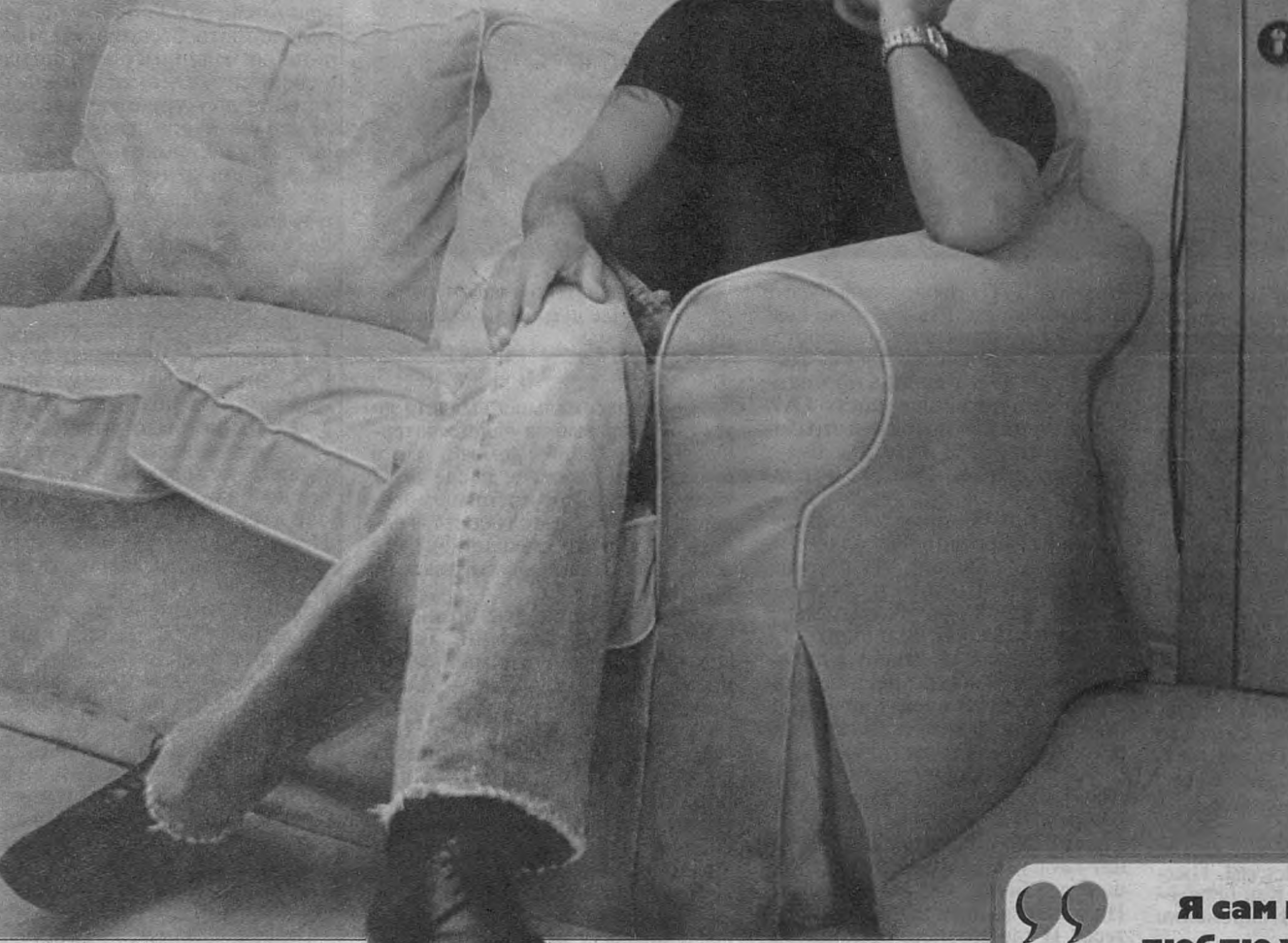


Когда 12 лет назад Федор Бондарчук начал снимать музыкальные клипы, то интересовал многих исключительно как сын Сергея Бондарчука и Ирины Скобцевой, получивший профессию режиссера, но выбравший совершенно иной, не похожий на родительский путь. Сегодня он по-прежнему производит в большом количестве клипы и рекламу, снимает и продюсирует художественное кино, иногда снимается сам, кроме того, ведет телепередачу и открывает дорогие рестораны. И теперь уже вряд ли кто-то рискнет отозваться о нем снисходительно, только как о сыне Бондарчука.



Федор в офисе. Под коллажем, где изображены он сам и его партнер по рекламному и ресторанному бизнесу Степан Михалков



«Жесточайшее жлобство — черта нашего бизнеса»

— Позвольте полюбопытствовать, Федор, что вы больше любите — запеченное фрикасе из омара с козовым молоком или голубя с пюре из батата и соусом из карамели?

— Как вы осведомлены!.. Я люблю первое — голубей мне жалко.

— Однако кто-то где-то отлавливает же их для вашего ресторана?

— Кто-то где-то их специально выводит. Но это не наш дворовый голубь. Не российский. Наш суховат. Он, как и вся страна, — трудяга, постоянно в работе, в поиске кормежки. Капиталистический же — бездельник, соответственно — не жалко приготовить замечательное французское блюдо. К слову, голубь есть во многих кухнях мира, хотя по вкусу он особенного, напоминает курицу.

— Младшие Ширвиндт и Табаков часто говорят о

том, что труд ресторатора — адский. Нужно пробовать огромное количество блюд, но физически это просто нереально, потому что уже на четвертом блюде органы, принимающие участие в дегазации, атрофируются...

— Тут надо уточнить. У меня, как и у Ширвиндта, всего один ресторан. У моего компаньона по «Ванили» Степана Михалкова — два, у Антоны — много больше. А у нашего со Степой партнера Аркадия Новикова — 45, и еще несколько планируется к открытию... Пробовать блюда, конечно, и мне приходится. Но проблема не в том, чтобы сделать это в своем заведении — я провозжу там довольно много времени, и часто мне даже приятно продегустировать то или иное новое блюдо. Гораздо важнее быть в курсе того, что происходит на ресторанном рынке. И вот для этого ты должен бы-

вать в других местах... Хотя что значит — должен? Можно куда не ходить, это твоё личное отношение к своему же бизнесу. Снимаю музыкальные ролики, рекламу или продюсирую кино, я тоже должен знать новые имена, новые фильмы. Пока я не встречал людей, которые относились бы к открытию ресторанов как к хобби. Степа, например, очень внимательно следит за тем, что происходит в Москве. Наш ресторан рассчитан на средний класс и выше. Подобных заведений не так много. И хотя этот бизнес в России только развивается, мы вынуждены думать о конкуренции. Поесть за 500 рублей в Москве можно во многих местах, и набор услуг везде примерно одинаков. Поэтому, если даже вам где-то не очень понравилось, вы вряд ли сильно расстроитесь: все-таки 500 рублей за поход в ресторан — не очень большие деньги. Люди же, которые платят за себя 80–100 долларов, более ревни-

«Я сам готовлю, люблю устраивать домашние летние обеды и многие семейные праздники.»

относится к тому, что они получат на эту сумму и где. Более или менее обеспеченный человек, как правило, и к проблеме выбора ресторана подходит очень конкретно. Для него уже важна не только еда, но и антураж заведения, качество обслуживания...

— **Наличие парковки...**

— Совершенно верно — парковка. Имеет значение и то, есть ли в ресторане менеджер, который его знает, уделяет ли ему должное внимание, возможна ли скидка. Даже если она минимальная — это знак уважения к клиенту, персонализированное отношение к нему. У нас это очень приветствуется.

— **Ваши клиенты — люди среднего класса и выше. Значит ли это, что и приехать они должны исключительно на дорогом авто?**

— «Фиат», в Мюнхене — «Фольксваген»?

— Не могу. Клиенты подали бы на эти заведения в суд. Но и в Москве, к сожалению, есть магазины, где при въезде на парковку водителям выдают карточки разного цвета: если ты на машине российского или японского производителя, встанешь в третий ряд, на авто класса люкс — в первый, непосредственно у входа. Я люблю вкусно поесть, мне нравится ходить в рестораны и, хотя мое мнение субъективно, считаю: рестораны у нас блистательные. Но ситуация, которую мы сейчас обсуждаем, без сомнения, ненормальная. Это не только безвкусица, но и жесточайшее всееленское жлобство — отличительная черта нашего пока еще не полностью сформировавшегося бизнеса.

Федор Бондарчук:

Институт я так и не закончил

— То есть?

— Ну, на российской машине у вашего ресторана припарковаться можно?

— Конечно.

— Уверены?

— Абсолютно. Неважно, на чем вы приехали. Важно, во сколько. Потому что в восемь — начале девятого вечера встать просто негде и надо съезжать ближе к Москве-реке. (Ресторан находится у храма Христа Спасителя. — *Авт.*) Причем ни у меня, ни у Михалкова своих постоянных мест нет. Правда, в отличие от клиентов, мы знаем, как правильно подъехать. Летом этот заезд не работает, потому что открыта летняя веранда, а зимой можно проехать в некую дырочку... А почему, собственно, такой акцент на парковке?

— Однажды муж заказал столик в уважаемом ресторане Антона Табакова. Но припарковать «Жигули» 12-й модели во дворике заведения нам не позволили — наше авто не вписывалось в стройный ряд 600-х «Мерседесов», «БМВ X-5», «Ягуаров» и прочих дорогих машин иностранного производства...

— Я не готов комментировать этот вопрос, потому что Антон: а) крестный моего сына и б) коллега.

— Но вы можете представить себе, что в Нью-Йорке человеку не разрешили припарковать у ресторана свой «Форд», в Милане

— Слышала, вы принципиально не ходите в чужие рестораны?

— Хожу. Но очень редко. Правда, и те в основном принадлежат Аркадию Новикову. Я живу в Барвихе, а Рублево-Успенское шоссе — бенефис его загородной кулинарии.

— Сейчас уже немодно собираться компанией дома, устраивая большие застолья?

— Не знаю, как насчет моды, но у нас бывают застолья, собирается большое количество гостей. Я сам готовлю, люблю устраивать домашние летние обеды и многие семейные праздники — дни рождения, Новый год, Пасху, Рождество предпочитаю отмечать именно дома.

— И все-таки, наверное, это уже не те застолья, что устраивали когда-то ваши родители?

— Круг людей, собиравшихся в доме родителей, был другой. В основном к ним приходили советские и иностранные кинематографисты, режиссеры, певцы, композиторы... Почему? Отец делал такие большие по масштабу и времени проекты, что группа, работавшая с ним, становилась его второй семьей. С ней родители часто и обедали, и ужинали. Сейчас в моем доме собираются совершенно разные люди. И моих коллег среди них порой просто может не быть.

«На актерстве я не зарабатываю, поэтому ногу позволить себе выбирать»

— Вы — режиссер, продюсер, актер, телеведущий, ресторатор. В какой из этих ипостасей больше самовыражаетесь?

— Я не стал бы называть себя ресторатором. У меня действительно есть ресторан, с тем же Степаном сейчас строим второй. Это хороший бизнес, но... По отношению ко мне слово «ресторатор» звучит слишком громко. А самовыражения, конечно, больше всего в кино.

— Что-то в этой области вас в последнее время удивило?

— Скорее поразовало. Опять же не могу быть объективным, но мне понравился фильм Филиппа Янковского «В движении». (Бондарчук был одним из его продюсеров. — *Авт.*) В прошлом году он был представлен на Московском кинофестивале в программе дебютов. А сейчас мне понравился приятный «Прогулка» Учителя. Впрочем, «приятная» — слабенький эпитет для этой картины. Она оставила действительно хорошее эмоциональное впечатление.

— «Идиота» по ТВ смотрели?

— Что-то видел, но оценивать фильм как художественное произведение и работу режиссера не возьмусь.

— Признаться, завидовали Миронову?

— Да нет. Это же разные проекты и разные роли, если вы имеете в виду мою работу в «Даун Хаусе». Конечно, я не отказался бы сняться в классическом «Идиоте». Но Женя — один из моих любимых актеров, я так люблю его, что при просмотре фильма у меня даже никаких ассоциаций и параллелей с собой не возникало.

— Вас не удивил тот факт, что сложное классическое произведение, переведенное на киноязык, имело столь высокий рейтинг?

— Тут не удивляться — радоваться надо. Значит, у нас возрождается забытая фабрика любимых звезд нашего кино. Значит, снова появляются кумиры, которые в посткооперативный период перестройки были либо размыты, либо заменены лжекумирами. Значит, участие Джона Малковича в саге XIX века, хотя и с любовной интригой, соберет деньги. И значит, можно снимать классику. Да, это фабрика а-ля Голливуд, по тамошнему образчику. Но ведь когда-то и в Советском Союзе была точно такая же — со своими метазвездами. Помните, какие женщины были в нашем кино? Ничуть не хуже американских.

— Куда, по-вашему, движется кино?

— Слава Богу, люди снова стали ходить в кинотеатры, значит, все идет хорошо. Я слежу, сколько покупается билетов на тот или иной фильм, как он идет по стране, особенно если имею к нему прямое отношение. К сожалению, 200 «долбированных» кинотеатров для России — мало. Но количество их с каждым годом растет. Ведь если идти в кино, лучше заплатить деньги за вельюровые сиденья и попкорн в кондиционированном зале с хорошим звуком. Потом, мне очень импонирует послевоенная программа де Голля, когда он объявил прокатчиков вести в кинотеатрах 30-процентное размещение национального продукта. Может быть, это поможет решить сегодня и проблемы нашего кинематографа?

— Кстати, о проблемах. В бюджет своего фильма «Девятая рота» вы закладывали миллион долларов. Нашли?

— Миллион-то у меня есть. Надо больше! Вот в чем проблема.

— Так что с проектом?

— Надеюсь, осенью



Бондарчук считает, что в кино он самовыражается больше, чем в любом другом увлечении

начнем снимать. Но я действительно не запускался так долго только потому, что не хватало денег. А этот фильм — о последних днях афганской войны — нужно или в таком объеме снимать, или не снимать вообще.

— Что это вы так переметнулись — собирались же вроде делать ремейк на отцовский фильм «Судьба человека»?

— Не переметнулся. Сценарий «Судьбы человека-2» мы начали писать с Петей Лукиком не по произведению Шолохова, а конкретно по ленте, снятой моим отцом в 1959 году. Действие нашего фильма должно было происходить с первой по сегодняшнюю чеченскую войну, где история с пленом просто трансформировалась бы в чеченскую яму, и все скитания могли быть похожи, потому что там и Чечня, и Дагестан, и Ингушетия... Но потом Петя от нас ушел, мои продюсеры познакомили меня с Юрой Коротковым, и сценарий претерпел изменения — после долгих разговоров у нас возникло слишком много вопросов о чеченской войне. В «Судьбе человека» все-таки был выраженный враг — нацистская Германия, и тема «они сражались за Родину» была очень яркой. Подобная позиция есть и сегодня — многие наши политики и российские граждане относятся к чеченской проблеме, как к борьбе за свою Родину, против ясно выраженного врага. И можно было бы выставить таким врагом террориста, но это было бы притянуто за уши, а значит, неправильно. Все-таки сегодня в Чечне в основном простые люди, да и война идет на нашей территории.

Меня больше интересовала не борьба с врагом

«В бюджет «Девятой роты» вы закладывали \$1 млн. Нашли?» — «Миллион-то у меня есть. Надо больше! Вот в чем проблема».

как таковая, а образ нашего современника, героя моего времени — поколения 30–35-летних, которое либо просто забыто, либо не оформлено, а если и оформлено, то очень узконаправленно — например, в образ бандита. Тема же афганской войны мне близка и знакома — я сам служил в те годы. Наша страна 10 лет в Афганистане воевала, а фильмов об этом практически нет. Да, мы проиграли эту войну, но люди-то, мужчины внутри себя ее выиграла. Каждый из них выиграл свою войну. И вот эта тема мне по-настоящему интересна.

— Где собираетесь снимать Афганистан?

— Хотели в Узбекистане, но там постоянно возникает проблема, оттягивающая производство: то есть хорошая натура — нет российской армии, то есть армия — нет натуры. Поэтому мы решили поступить хитро: основной материал сделать в Геленджике, а затем на 10 дней небольшой группой улететь в Таджикистан, на границу с Афганистаном, чтобы снять природу. Иначе не получается: все-таки там опасно, многие просто отказываются ехать.

— «Девятая рота» — идефикс? Последние 3–4 года вы говорите только об этом фильме...

— Да, да... Нынешняя осень — последний срок, который я сам себе установил. Если не запущу, придется про эту картину забыть. Потому что я жутко хочу снимать кино, но хочу снимать «Девятую роту», и только «Девятую



С женой Светланой на последнем Московском кинофестивале

рее телевизионный художественный фильм, потому что не подходит ни под определение, ни под формат сериала. А вообще в сериалах и картинах, которые мне не нравятся и неинтересны, я не снимаюсь. Все-таки актерство — не основная моя профессия, я зарабатываю на другом и могу позволить себе выбирать.

— Основная профессия ваша — режиссер. Диплом-то наконец получили?

— Да.

— А телевидение?

— Телевидение мне очень нравится.

— Скоро год, как вы ведете на канале СТС ток-шоу «Кресло». Вы сами себе ставили этот срок, чтобы понаблюдать, получаете ли нет, остаетесь или уйдете с ТВ...

— Уже понял: иду на

— Но ведь самовыражения в такой работе нет — вы должны лишь сделать продукт, отвечающий требованиям заказчика.

— В общем, да. Если принять все мои видеоработы за 100 процентов, самовыражался я максимум процентах в 10. Ну и что?

— Выходит, «Арт Пикчерз» для вас, как и ресторатор, — это в первую очередь бизнес?

— Да.

— А телевидение?

— Телевидение мне очень нравится.

— Скоро год, как вы ведете на канале СТС ток-шоу «Кресло». Вы сами себе ставили этот срок, чтобы понаблюдать, получаете ли нет, остаетесь или уйдете с ТВ...

— Уже понял: иду на

— Да какое там! Можно сказать, я — сама доброта. Жестокости в идее программы хватает.

— Есть ситуации в повседневной жизни, когда вы действительно можете быть жестоким?

— Жестоким?.. Нет, это не про меня. Если я и бываю таким иногда, скажем, по отношению к близким, то корю себя за это. Впрочем, «жестоким» — неправильное слово. Жестоким может быть только большой человек. Все-таки это качество присуще не совсем нормальным людям. А потому так и напишите: жестоким Бондарчук бывает часто, жестоким — никогда.

■ Татьяна Петрова. Фото Алексея Петрова, Максима Бурлака.